

Сергей Казначеев
Литературный институт им. А.М. Горького, Москва

СМЕРТЬ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Экзистенциальное, пограничное состояние перехода от жизни к смерти для любого художника представляет собой мистический, пугающий, но вместе с тем и благодатный материал для творчества. Нет, наверное, ни одного классика мировой литературы, кто был бы равнодушен к этой проблематике и не стремился бы так или иначе коснуться её в своих сочинениях. Иногда это могло быть философским осмыслением, иногда — своего рода заигрыванием с тёмными началами бытия, иногда — попыткой, чаще всего неудачной, освободиться, предохраниться от грозящей опасности: вспомним Пушкина и Лермонтова, которые в своих центральных произведениях описали дуэли, где погибают оппоненты главных героев, а в реальности были убиты сами писатели¹. Нет сомнений, что всё сказанное характерно и для мировой культуры в целом.

Однако, на наш взгляд, трудно найти такого поэта, чьё творчество было бы настолько пронизано настроениями смерти, как у Николая Михайловича Рубцова. Эта тема проходит через всё его творчество и проявляется на самых разных смысловых, эмоциональных и жанровых уровнях. Создаётся впечатление, что смерть буквально стоит у него (или его лирического героя) за плечом. Хотя сама его биография являет факты, что этот человек прожил тяжёлую, полную утрат и страданий жизнь, он не озлобился и не ожесточился, по крайней мере, как художник. Как свидетельствовал Вадим Кожинов:

Николай Рубцов жил трудно, даже мучительно трудно. Я говорю об его внутренней, духовной жизни, хотя и внешние условия его быта складывались тогда нелегко. В 1964 году за ряд прегрешений он был переведён на заочное отделение Литературного института, что означало для него потерю постоянного пристанища и средств к существованию...².

¹ Кстати, неслучайно стихи Николая Рубцова о каждом из них — *О Пушкине и Дуэль* непосредственно связаны с их гибелью.

² В. Кожинов: *Об авторе*. В кн.: Н. Рубцов: *Стихотворения (1953–1971)*. Москва: Советская Россия 1977, с. 9.

И позднее судьба поэта складывалась так, что причин и поводов для обращения к кладбищенским, поминальным и замогильным интонациям хватало с лихвой.

Его поэзия отнюдь не производит впечатления мрачности, подавленности или уныния, хотя и бесконечно далека от безмозглого казённого оптимизма. Мысли его о конечности человеческой жизни философски зрелые и выстраданные, а печаль светла, умиротворена и просветляющая.

Широко известны обстоятельства трагической смерти (убийства) предчувствовавшего её поэта, об этом мы ещё поговорим; но важно заметить, что мотив умирания, могилы, погоста и креста появляется в его стихах уже во вполне ранние годы. В первой книге Рубцова *Волны и скалы*, отпечатанной на машинке (Ленинград 1962), то и дело мелькают черты экзистенциальной грусти: берёза шумит над могилой матери, на войне отца убила пуля, герой рубцовской лирики любит... погосты и молитвы, а окрест видит чёрные кресты, испещрившие небо, другу-имениннику напоминает, что его уложат там, где не дует ветер, и даже любимые поэтом лошади могут залягать до смерти, а собаки разорвать на части.

Конечно, пока это ещё первые подступы к важной теме, слова, сказанные вскользь, но и они весьма характерны и показательны. Датированное 1954 годом стихотворение (поэту нет и тридцати лет) говорит обо всех этих материях безо всяких экивоков, хотя пока ещё тут можно усмотреть своего рода игру, мальчишескую браваду:

Да, умру я!
И что ж такого?
Хоть сейчас из нагана в лоб!

Может, быть,
гробовщик толковый
смастерит мне хороший гроб...³

Но вот в известном стихотворении *Утро утраты* (1960) всё уже, так сказать, по-взрослому, по-серьёзному:

Человек
не рыдал,
не метался
в это смутное утро утраты.
Лишь ограду встряхнуть попытался,
ухватившись за копыя ограды...⁴

³ Н. Рубцов: *Сочинения. Прижизненные издания. Избранное*. Москва: Российский писатель 2006, с. 42.

⁴ Там же, с. 27.

Чувства героя, переживающего здесь трагедию потери близкого человека, скорее всего, матери, промодулированы дополнительным образным рядом: белая рубашка, чёрный затон, утро дождя и металла, безжизненный городской пейзаж (железо крыш, железки машин), песня про царицу Тамару, которая погубила много душ, крик водителя трамвая: «жить надоело?» И автор, и его персонаж, и читатель убеждаются в том, что человеческая жизнь крайне недолговечна и подвержена массивному натиску со стороны смерти, разлитой вокруг неё.

И хотя в следующих стихах молодой поэт повторяет, как заклинание: я не повешусь, буду жить сто лет, ножик в себя не вонжу, тревожные предчувствия не оставляют: ведь если нет опасности, человек не станет себя успокаивать и отговаривать от самоубийства. Да и в других вещах этого сборника поэт продолжает напряжённо размышлять о смысле рубежа, разделяющего бытие и небытие. В финале стихов, посвящённых Глебу Горбовскому, афористически вырывается:

Когда толпа
потянется за гробом,
ведь кто-то скажет: «Он сгорел... в труде»⁵.

Легко заметить, что постепенно Рубцов приближается к пониманию смерти как некоего порога, подведения итогов его жизни и деятельности, причём подведение это может быть и праведным, и ложным. Иными словами, нам совсем не безразлично, что будет происходить на белом свете и после нашего ухода, что будут думать и говорить о нас с вами. Иными словами, тема смерти становится для поэта накрепко спаянной с темой памяти народной.

В сборник *Лирика* (Архангельск 1965) вошло неприметное стихотворение *Хозяйка*, позднее переработанное в *Русский огонёк*. Вот как излагает его зачин Сергей Викулов:

Припоздав в дальней дороге, поэт попросился в первой попавшейся избе на ночлег. Хозяйка, немолодая женщина, видимо, солдатская вдова, по-деревенски просто, не задавая лишних вопросов, впустила путника в избу, накормила и обогрела. Вечер. Потрескивают в топке дрова. В бликах неверного света на стене виднеются семейные фотографии. Поэт вглядывается в них...⁶.

Ранний вариант текста, безусловно, менее совершенный в смысловом и художественном отношении, тем не менее, содержит важную для нас деталь:

⁵ Там же, с. 52.

⁶ С. Викулов: *Подснежники Николая Рубцова*. В кн.: Н. Рубцов: *Избранное*. Москва: Художественная литература 1982, с. 17–18.

Как много жёлтых
Снимков на Руси!
Их вид порой грустнее эпитафий.
Как больно снова
Душу поразил
Сиротский смысл семейных фотографий⁷.

Из поздней редакции эпитафии исчезли, что справедливо с поэтической точки зрения: рифма «эпитафий-фотографий» нарочита, да и не очень гармонирует с русским содержанием стихов. Но зато понятие эпитафии (надгробные надписи) проясняет глубинную авторскую идею. Его лирического героя, который в *Русском огоньке* вначале показан как один живой в мёртвом поле, вид деревенских фотографических «стендов» потрясает именно тем, что на снимках в большинстве изображены умершие люди. Казалось бы, они навсегда ушли от родных. Но, тем не менее, их глаза глядят со стен, из простеньких рамок.

Это очень важный момент. Для Рубцова смерть — это не уход в никуда. Умершие остаются в памяти близких и потомков. А если человек сделал в жизни нечто важное, то его будут помнить не только свои, но многие. Вообще говоря, отношение Рубцова к смерти интересно тем, что загробный мир его не очень-то и заботит. Понятия Рая, Ада, ангелов у него встречаются редко. Это — не его лексика. В его словаре — храмы, церкви, кресты и купола. Гораздо больше его волнует то, что будет происходить на земле после смерти, как будет существовать мир, который ему предстоит оставить. И больше всего, конечно, его тревожит дальнейшая судьба его родной страны. В высшей степени символичны слова, начертанные на вологодском надгробии: «Россия, Русь! Храни себя, храни!».

Впрочем, иногда образ загробного царства в стихах Николая Рубцова возникает, только не в прямом, а, так сказать, в превращённом виде, завуалированном настолько тщательно, что большинство читателей этого и не воспринимают. Взять хрестоматийное стихотворение *Тихая моя родина*. Обычно его воспринимают как пронзительное выражение патриотического чувства. На самом деле всё намного сложнее и таинственнее. Начинается всё с того, что герой возвращается в места, где была похоронена его мать, когда он был ещё ребёнком (автобиографическая подробность). Но для зачина это кричаще показательный образ. А дальше начинается ещё более интересное: герой обнаруживает, что за прошедшие годы всё здесь решительным образом переменялось:

⁷ Н. Рубцов: *Сочинения...*, с. 58.

— Где же погост⁸? Вы не видели?
 Сам я найти не могу. —
 Тихо ответили жители:
 — Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
 Тихо проехал обоз.
 Купол церковной обители
 Яркой травой зарос⁹.

Всё это очень странно. Земляки поэта ведут себя, как «существа совсем иного мира». Возникает стойкое подозрение, что это не живые люди, а некие призраки, да и герой, приехавший «на побывку» с матерью, не перешёл ли уже он сам роковую грань? И тем более такое подозрение подтверждает слово «тихая, тихо», употреблённое в небольшом стихотворении пять раз. Полагаю, нет смысла напоминать о том, какое место прежде всего ассоциируется у нас с ненарушаемой тишиной. Учитывая все эти особенности, ясно, не удивляешься тому, что герой Рубцова в последней строке прямо говорит нам о «смертной связи».

Сходный образный строй находим в стихотворении, ставшем популярной песней, *В горнице*. Здесь тоже царит ничем не нарушаемая тишина. Появляется матушка поэта (а нам хорошо известно, что она давно умерла). Кроме того возникает образ таинственной лодки, несколько напоминающей ладью Харона. Эта лодка потом не раз аукнется и в других стихах. Та же интонационная окраска присутствует в стихах «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», где таинственная ночная скачка лирического героя в страну прошлого завершается образом израненного старого десантника, который, возможно, одной ногой также стоит в могиле. Ещё одна ассоциация, возникающая в этом случае, отсылает нас к Василию Жуковскому, одному из родоначальников смертной темы в нашей культуре. Ему принадлежит перевод баллады немецкого классика Готфрида Августа Бюргера *Ленора*, где герои также отправляются в мистическое ночное путешествие на коне и оказываются на кладбище.

Иногда герои Рубцова попадают в загадочный кладбищенский мир не по своей воле. Но вот что характерно: мрачноватый антураж их не отталкивает, а скорее манит и наводит на глубокие размышления о законах существования. Это пока не смерть, но в каком-то смысле её репетиция. В стихотворении *Над вечным покоем* (кстати,

⁸ В раннем варианте: могила.

⁹ Н. Рубцов: *Сочинения...*, 89.

живопись Левитана поэт очень ценил) *alter ego* поэта отправляется на прозаическую прогулку — за малиной, а встречается с заросшими, заброшенными могилами:

Рукой раздвинув тёмные кусты,
Я не нашёл и запаха малины,
Но я нашёл могильные кресты,
Когда ушёл в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те –
Как существа совсем иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я б хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Когда ж настанет близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный
 свято погребён
В такой же белой горестной рубашке¹⁰.

Как видим, стихотворение буквально пронизано мотивом приближающейся смерти, которую автор готов принять покорно и с достоинством. А горестная рубашка недвусмысленно отсылает нас к белой рубашке из *Утра утраты*. Вообще в поэзии Рубцова много таких переключений; в плане автоцитата его можно, пожалуй, сравнить с Пушкиным.

Предчувствие раннего ухода сквозит уже на ранних стадиях развития его таланта; со временем мотивы смерти становятся всё более навязчивыми, усугубляются. Этот вывод подтверждает и точка зрения Виктора Баракова:

В книгах *Душа хранит* (1969) и *Сосен шум* (1970) пронзительно звучала трагическая тема — Николай Рубцов словно простался с этим миром, а сборник *Зелёные цветы* (1971), составленный самим поэтом и вышедший в год его гибели, лишь ещё более усилил это впечатление¹¹.

¹⁰ Н. Рубцов: *Сочинения*..., 131.

¹¹ В. Бараков: *Поэтическая биография Николай Рубцова*. В кн.: Н. Рубцов: *Сочинения. Прижизненные издания. Избранное*..., с. 503.

Однако, мысли о смерти в поэтическом мире Рубцова далеко не всегда сопрягаются им с собственной судьбой. Многократны упоминания о смерти матери, отца, погибших воинов (хотя Сергей Викулов справедливо говорит о недостаточной прописанности военной темы в лирике Рубцова; но не будем забывать, что в первые послевоенные десятилетия отношение к подвигу наших людей ещё не вполне сформировалось — на каждой улице, в каждом городском доме были фронтовики, дети на улице играли медалями отцов, надевали ремни, пилотки и другую армейскую амуницию). Поэт пишет также и о смертях разных известных и даже неизвестных людей. Одно из прочувствованных стихотворений так и названо: *Неизвестный*, не вошедшее в прижизненные издания:

Он шёл. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!

Он вздрогнул, очнулся и снова
Забылся, качнулся вперёд...
Он умер без крика, без слова,
Он знал, что в дороге умрёт¹².

Здесь проявляются обобщающие, архетипические аспекты философии смерти. Архетип *реки* в очередной раз возникает на страницах рубцовской лирики, но обычно конструкция выстраивается таким образом, что село стоит на одном берегу реки (Стикса?), а кладбище — на другом, и чтобы попасть туда, нужна лодка (ладья?). Вообще, можно выдвинуть предположение, что восприятие иного мира у Рубцова было не столько библейского, сколько античного происхождения, но это предположение требует особого, тщательного изучения. Выделим другое: в данном случае герой приближается к замёрзшей глади, а значит, переходу на *ту* сторону ничто не препятствует. Но было бы вполне допустимо предположить, что автор делегирует неизвестному герою и некоторые личные черты.

Особо поразительным, парадоксальным фактом является то, что элементы смерти у Николая Михайловича проявляются даже... в стихотворениях для детей и о детях, вследствие чего родители порой не решаются читать их своим ребятам, опасаясь вызвать слишком сильную реакцию. Но кто сказал, что маленьким нужно рассказывать только благостные, розовые истории? Ласточка у Рубцова оплакивает гибель разбившегося птенца, которого хоронит герой; Ворона и Воробей

¹² Н. Рубцов: *Сочинения. Прижизненные издания. Избранное...*, с. 476.

едва не умирают от голода; Медведь плачет от того, что его ранил лесник. Самая пронзительная ситуация описана в стихотворении *Аленький цветочек* (1966), по простоте звучания сходном с лирикой Гёте. Мальчик тайком растит, холит и лелеет в своём саду маленький цветочек, надеясь сделать сюрприз маме. Развязка потрясает любую, даже самую чёрствую душу:

Кстати его, нестати ли,
Вырастить всё же смог...
Нёс я за гробом матери
Аленький свой цветок¹³.

Ну и, как уже говорилось, многочисленным предвидениям и предсказаниям суждено было сбыться. Как писал Вадим Кожин, «В морозную крещенскую ночь, 19 января 1971 года Николай Рубцов во время тяжелой ссоры был убит женщиной, которую собирался назвать женой¹⁴. Незадолго до этого поэт выдохнул, как предсмертную записку:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат берёзы.
А весной ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывёт, забытый и унылый,
Разобьётся с треском и в потёмки
Уплывут ужасные обломки...¹⁵

Ошибочным было бы, однако, утверждение, будто это было единичным свидетельством предвидения обстоятельств собственной кончины. Ещё в московском сборнике *Звезда полей* 1967 года было напечатано стихотворение «Седьмые сутки дождь не умолкает...». Тут присутствует очередной перифраз собственных строк:

На кладбище затоплены могилы,
Видны ещё оградные столбы,
Ворочаются, словно крокодилы,
Меж зарослей затопленных гробы,
Ломаются, всплывая, и в потёмки
Под резким неслабеющим дождём
Уносятся ужасные обломки
И долго вспоминаются потом...¹⁶

¹³ Там же, с. 142.

¹⁴ В. Кожин: *Об авторе...*, с. 10.

¹⁵ Н. Рубцов: *Сочинения. Прижизненные издания. Избранное...*, с. 500.

¹⁶ Там же, с. 157.

Остаётся добавить, что кладбище в Вологде, где погребён поэт, по рассказам очевидцев, постоянно подмывается рекой, и гробы действительно нередко оказываются в воде. А в стихах Людмилы Дербиной, убившей Рубцова (она тоже писала) есть образ, ассоциирующийся с её преступлением. Для нас же важнее последние строки рубцовского пророчества:

Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!¹⁷

Это — очередное подтверждение тезиса о том, что смерть для Николая Рубцова не являлась окончательным рубежом, уходом в ничто, обретением нирваны. Жизнь на земле, судьба его родины волновали поэта и после смерти. Ничто никогда не заканчивается, как бы намекает он и оставляет хотя бы и призрачную возможность для метаморфозы и возрождения.

Мы не ставили здесь задачи упомянуть обо всех стихах Рубцова, касающихся данной проблематики, и тем более исчерпать тему. К ней уже обращались отдельные исследователи¹⁸, но в полном объёме она отнюдь не раскрыта. Она заслуживает более внимательного рассмотрения и вполне может лечь в основу серьёзного научного исследования.

Siergiej Kaznaczejew

ŚMIERĆ W POEZJI NIKOŁAJA RUBCOWA

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest mało zbadanemu zagadnieniu z życia i twórczości Nikołaja Rubcowa. Na materiale wierszy poety oraz świadectw współczesnych, a także prac krytycznych i naukowych autor akcentuje rangę problematyki śmierci w dziele poety. Temat pogranicznego stanu między życiem i śmiercią, motywy egzystencjalne i eschatologiczne to stały element twórczości poety. Dla Rubcowa śmierć była nie tylko ciemną i tajemniczą granicą życia. Jego bohater liryczny także po śmierci nie zamierza szukać spokoju, niepokoi go bowiem los ukochanej ojczyzny.

¹⁷ Там же, с. 500.

¹⁸ Например, Александр Дорин, опубликовавший статью «Я тревожно уйду по метели...». В кн.: *Н.М. Рубцов и Православие*. Ред. В.А. Алексеев. Москва: Издательский дом «К единству!» 2009.

Sergey Kaznacheev

DEATH IN NIKOLAI RUBTSOV'S POETRY

S u m m a r y

Author of the essay deals with a little-studied side of life and writings of the eminent Russian poet. The author of the essay uses Rubtsov's poems and the testimonies of his contemporaries, critics and literary theorists to demonstrate great importance of the subject. The point is that the concept of borderline state between life and death, existential and eschatological motifs run through all the artistic legacy of the poet who died in a tragic way. However the researcher argues that for Rubtsov death was not only a dim and mysterious border of existence. The character of his poems does not intend to rest in peace, but continues to be preoccupied with the future of his beloved motherland even after his death.